

УДК 008:82-31:504

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-3

Билибин А. М.

Экологический кризис как источник новых мифологем научной фантастики

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
bilibinskyanton@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются экологические мифологемы в научной фантастике XX – начала XXI века как формы современного мифотворчества, возникающие в контексте глобального экологического кризиса. Актуальность исследования связана с ростом доли экологической проблематики в научной фантастике и ролью жанра в культурном осмыслении кризиса антропоцентрической модели мира и трансформации представлений о месте человека в природе. Цель статьи – выявить и типологизировать экологические мифологемы, функционирующие в научно-фантастическом дискурсе. Рассматриваются подходы к понятию мифологемы и специфика его работы в научной фантастике как художественном поле, соотносящем мифологические модели интерпретации мира с научными представлениями о реальности. Особое внимание уделяется мифологемам экологического апокалипсиса, мстящей/автономной природы, утраченного рая и постчеловеческого мира, а также смещению образа человека от антропоцентрического субъекта к постчеловеческой перспективе. Методологическую основу составляют мифокритический, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы с привлечением элементов экокритики.

Ключевые слова: научная фантастика; экологический кризис; мифологемы; мифологическое мышление; экокритика; экологический апокалипсис; постчеловеческий мир; образ человека

Для цитирования: Билибин, А. М. (2026), «Экологический кризис как источник новых мифологем научной фантастики», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 139-148. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-3

A. M. Bilibin

Environmental crisis as a source of new science fiction mythologies

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
bilibinskyanton@gmail.com

Abstract. The article examines the ecological crisis as a cultural and mythological phenomenon and as a major source of myth-making in science fiction of the late twentieth and early twenty-first centuries. The study is relevant due to the growing prominence of environmental issues in contemporary science fiction and their role in articulating collective fears and hopes related to global threats. The paper aims to identify and classify

ecological mythologemes that emerge amid the crisis of the anthropocentric worldview. It outlines theoretical approaches to the concept of the mythologeme and argues for its specific functioning in science fiction, where mythological models of world perception are correlated with scientific conceptions of reality. Particular attention is paid to the mythologemes of ecological apocalypse, vengeful/autonomous nature, the lost paradise, and the posthuman world, as well as to the transformation of the image of humanity from an agent of catastrophe to a possible savior. The study employs myth-critical, cultural-historical, and comparative-typological methods, incorporating elements of ecocriticism.

Keywords: science fiction; ecological crisis; mythologemes; mythological thinking; ecocriticism; ecological apocalypse; posthuman world; the image of humanity

For citation: Bilibin, A. M. (2026), “Environmental crisis as a source of new science fiction mythologies”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 139-148. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-1-3

Введение

Глобальный экологический кризис (изменение климата, утрата биоразнообразия, истощение ресурсов, техногенные риски) в XXI веке выступает не только объектом науки и политики, но и фактором культурного самосознания. Экологическая тема выходит за пределы специализированного дискурса и формирует символическое пространство, где научные представления о природе сосуществуют с мифологическими сюжетами.

Научная фантастика, ориентированная на моделирование предельных сценариев, особенно чувствительна к этой динамике. Экологические страхи и ожидания в ней закрепляются как устойчивые мифологемы: природа – жертва или субъект возмездия, человек – разрушитель или носитель ответственности, планета – уязвимая целостность.

Несмотря на развитие экокритических исследований и интерес к мифологическому измерению современной культуры, анализ научной фантастики в данном контексте нередко ограничивается тематическим описанием или социально-философской интерпретацией отдельных произведений. При этом целенаправленное рассмотрение экологических мифологем как устойчивых художественных конструкций, формирующих целостные модели восприятия мира именно в традиции научной фантастики, по-прежнему остается недостаточно систематизированным.

Объектом настоящего исследования является научная фантастика середины XX – начала XXI века, отражающая ключевые тенденции современного экологического сознания, а предметом – экологические мифологемы, функционирующие в данных произведениях как особые художественные конструкции. Цель – выявить и типологизировать мифологемы, порожденные экологическим кризисом. Методология включает мифокритический анализ, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы с привлечением элементов экокритики.

Экологический кризис как фактор мифологизации в культуре второй половины XX – начала XXI века

Экологический кризис в современном гуманитарном знании все чаще осмысляется не как частная экологическая или технократическая проблема, а как комплексная экзистенциальная угроза, затрагивающая фундаментальные условия продолжения человеческой истории и ставящая под вопрос традиционные представления о безопасности, прогрессе и контроле человека над природой (Веск, 2009). Такое понимание соотносится с концепцией экологической безопасности, сформировавшейся в научном дискурсе конца XX века, когда взаимодействие общества и природы стало предметом острой дискуссии

и было связано с угрозами выживанию, свободе и развитию человечества, а экологическое движение 1960–1980-х годов выявило глобальные проблемы перенаселения, деградации почв, истощения ресурсов, загрязнения среды и повышения уровня моря, обозначив экологическую безопасность как проблему глобального масштаба (Скрынникова, Астафурова, 2024).

Осмысление экологического кризиса как глобальной угрозы формирует в общественном и культурном сознании специфический апокалиптический модус восприятия, связанный с переживанием конца привычных форм бытия и возможного «мира без человека». Важно, что эсхатологизация экологической проблематики питается не только научными прогнозами, но и режимами публичной чувствительности. Ю.В. Хен фиксирует, что ощущение «надвигающейся катастрофы... и всеобщего апокалипсиса... последние пятьдесят лет усиленно внедряются в общественное сознание эоактивистами» и во многом связаны со спецификой человеческой «оптики», то есть стремлением контролировать процессы, которые «очевидным образом человечеству неподвластны» (Хен, 2025: 189). В гуманитарном и художественном дискурсе такие представления приобретают вид эсхатологического нарратива, в котором кризис современности интерпретируется как симптом катастрофичности антропоцена и предельности человеческого существования. При этом апокалиптические образы и метафоры функционируют не только как научные прогнозы, но и как культурные стратегии интерпретации будущего, структурируя коллективное воображение и способы переживания глобальной нестабильности (Суворова, 2024).

Парадоксальность современной экологической ситуации заключается в том, что рост научной рациональности – развитие измерительных практик, моделирования и прогнозирования – не приводит к демифологизации экологического опыта. Напротив, как показывают исследования процессов ремифологизации в культуре XX-XXI вв., общественное сознание в условиях кризисов и неопределенности демонстрирует устойчивую потребность в мифологических формах интерпретации реальности (Кулигина, 2023). Необходимость интерпретации трудно локализуемых и распределенных во времени экологических угроз стимулирует обращение к мифологическим схемам осмысления. Экологические риски требуют не только научного объяснения, но и смыслового оформления, отвечающего на вопросы причинности, ответственности и вины. В результате экологическая проблематика оформляется в виде устойчивых нарративов о нарушенном порядке мира, возмездии и возможности нового начала, воспроизводящих логику мифологического мышления в условиях позднего модернизма (Beck, 2009).

Экологический кризис в этом смысле может быть описан как феномен, выходящий за пределы частных проблем и «собирающий» культуру в целое. Ю.В. Хен подчеркивает, что экология «разрослась... до “гиперобъекта” ... и становится определяющим фактором картины мира», причем человечество «буквально живет внутри него» (Хен, 2025: 190). В этой ситуации мифологическое мышление выступает не как искажение реальности, а как культурный механизм интеграции фрагментированных тревожных сигналов в целостную картину мира, позволяющий коллективному сознанию артикулировать переживания страха и ответственности (Garrard, 2012; Кулигина, 2023).

Следствием этого процесса становится переоформление базовых культурных фигур, активно циркулирующих в художественной культуре, в том числе в научной фантастике. Закрепляются образы природы как жертвы или действующей силы, человека как разрушителя и нарушителя равновесия, а также мотив утраты – исчезновения «прежнего мира», переживаемого как современная версия изгнания из рая. Эти фигуры функционируют не только как элементы художественного воображения, но и как формы самоописания общества, отражающие кризис антропоцентрической модели мира.

Особое место в этом символическом поле занимает образ Земли как целостного организма, восходящий к фигуре древнегреческой богини Геи. Как отмечает И. Наумов,

анализируя подход антрополога Б. Латура, гипотеза Геи в современном дискурсе «не является общим миром», но задает тот контекст, «в котором становится возможным его построение» (Наумов, 2024). Гея понимается здесь не как заранее данная гармония, а как динамичное пространство взаимодействия множества сил. В культуре этот образ функционирует как метафорическая модель, позволяющая увидеть «критическую зону» Земли – ту тонкую оболочку, где возможна жизнь – «продукт непрекращающегося взаимодействия множества актантов». Отношения между этими актантами (будь то люди, микроорганизмы, климатические процессы или технологии) оказываются принципиально политическими: они вступают в союзы, конфликтуют, влияют и зависят друг от друга. В такой оптике экологический кризис предстает не как внешняя «поломка природы», которую можно исправить извне, а как внутренний конфликт самой системы, в которую мы включены. Это ведет к пересмотру представлений о человеческой ответственности: мы больше не можем мыслить себя ни внешними наблюдателями, ни полновластными хозяевами планеты. Тем самым фигура Геи позволяет концептуализировать то самое пространство, в котором становится возможной пересборка утраченных связей и поиск нового, пригодного для жизни общего мира.

Экологические мифологемы в научной фантастике: понятие, типология, художественная специфика

Для анализа экологического кризиса как культурного опыта продуктивна категория мифологемы – устойчивой смысловой конструкции, воплощенной в образах и сюжетах (Кулигина, 2022). Мифологема сохраняет архетипические черты и одновременно адаптируется к реалиям современности, не требуя целостного мифа. Благодаря «переносу» традиционных ситуаций на актуальные контексты она становится инструментом осмысления новых экзистенциальных вызовов, включая экологические.

Научная фантастика представляет собой специфическое пространство функционирования мифологем, в котором они подвергаются рационализации и включаются в формы научного или псевдонаучного объяснения. Как отмечает Н.А. Махмудова, исследуя эволюцию изображения природных катаклизмов в литературе, ключевой тенденцией становится «переход от сверхъестественных объяснений к натуралистическим интерпретациям» (Makhmudova, 2024).

В рамках жанра мифологические структуры не утверждаются как абсолютные истины, но переоформляются в виде гипотез, моделей будущего и альтернативных миров, что позволяет сохранять эффект научной достоверности при одновременной работе с предельными, экзистенциально значимыми смыслами (Jameson, 2005). Экологическая проблематика оказывается особенно продуктивной в этом отношении, поскольку сама по себе связана с предельными вопросами выживания, ответственности и границ человеческого вмешательства, а в современных нарративах, как подчеркивает исследователь, все более заметную роль играет растущее внимание к человеческому фактору.

Экологический кризис в научной фантастике репрезентируется не столько через набор изолированных мотивов, сколько посредством устойчивых мифологем, формирующих целостные модели восприятия будущего. Одной из базовых является мифологема *экологического апокалипсиса*, в основе которой лежит представление о радикальной трансформации или гибели биосферы как результате накопленного антропогенного воздействия. При этом катастрофа лишена трансцендентного источника: разрушение мира осмысляется как имманентное следствие человеческой деятельности, что придает апокалиптическому сценарию характер внутреннего воздаяния, а не внешнего суда. Данная логика полностью соответствует общей эволюции литературных репрезентаций катастроф, фиксируемой в современном научном дискурсе: трансформация от мифологических до

научных интерпретаций означает, что источник угрозы перемещается из сферы сакрального в область человеческих решений и их последствий.

Характерным примером реализации мифологемы экологического апокалипсиса является роман Ф. Герберта «Дюна», в котором разрушительное воздействие человека на среду представлено не в форме внезапной катастрофы, а как длительный и накопительный процесс, изменяющий саму структуру мира. Планета Арракис предстает как радикально трансформированная экосистема, существование которой определяется предельной экологической нестабильностью и дефицитом жизненно важных ресурсов. Антропогенное вмешательство – добыча меланжа, контроль водных запасов и проекты терраформирования – не только нарушает природное равновесие, но и закрепляет состояние постоянного кризиса, воспринимаемого как норма существования цивилизации.

Принципиально важно, что экологическая катастрофичность Арракиса лишена трансцендентного источника и не связана с внешним «наказанием» или стихийным бедствием. Напротив, разрушение среды мыслится как закономерное следствие человеческой хозяйственной и политической деятельности, встроенной в логику эксплуатации ресурсов. Апокалиптический характер мира «Дюны» проявляется в необратимости экологических процессов и в осознании пределов человеческого контроля: любая попытка радикального преобразования среды оборачивается новыми формами нестабильности и угрозы. В этом контексте экологический кризис выступает не как разовое событие, а как постоянное состояние мира, подрывающее антропоцентрическое представление о возможности полного господства человека над природой.

Другим устойчивым элементом экологического мифологического поля является мифологема *утраченного рая*, формирующая представление о прошлом как о пространстве утраченной гармонии между человеком и средой. Этот «рай» не дан непосредственно, а конструируется ретроспективно – через память, легенду или противопоставление настоящему. В «Марсианских хрониках» Р. Брэдли Марс предстает как целостный и хрупкий мир, разрушение которого происходит не в результате катастрофы, а через постепенное воспроизведение земных моделей колонизации – терраформирование. Экологический мотив здесь соединяется с критикой цивилизационного повторения и подчеркивает необратимость утраты, придавая мифологеме утраченного рая выраженное нравственное измерение.

Завершающим элементом экологической типологии выступает мифологема *постчеловеческого мира*, в рамках которой человек утрачивает положение центрального субъекта истории. Экологический кризис в данном случае становится фактором разрушения антропоцентрической картины мира и условием воображения реальности, не ориентированной исключительно на человеческие потребности. В научной фантастике, отвечающей на кризисы антропоцена, центральное место занимают постчеловеческие фигуры и «денатурированный нечеловеческий мир, созданный человеческими технологиями» (Bedgood, 2022: 271). Это выражается в смещении фокуса с индивидуального человеческого опыта на долгосрочные планетарные, биологические и эволюционные процессы, разворачивающиеся в масштабах, несоизмеримых с человеческой историей (Haraway, 2016).

Наглядное воплощение данное явление получает в романе С. Лема «Солярис», где экологическое и онтологическое измерения оказываются неразделимыми. Планета Солярис представлена как целостная нечеловеческая форма жизни, обладающая собственной временной логикой и не поддающаяся человеческому познанию и контролю. Океан не выступает ни объектом эксплуатации, ни источником угрозы, но функционирует как автономная реальность, существующая вне человеческих целей и потребностей.

Принципиально важно, что в мире «Соляриса» отсутствует сценарий экологической катастрофы в привычном смысле. Постчеловеческий характер данного художественного мира

проявляется в утрате человеком статуса центрального субъекта истории: человеческое знание оказывается ограниченным, а сама попытка интерпретации нечеловеческого – проблематичной (Беляев, 2016). Экологический кризис здесь смещается с уровня разрушения среды на уровень разрушения антропоцентрической картины мира, в рамках которой человек привык мыслить себя мерой всех вещей. Тем самым роман Лема моделирует реальность, в которой нечеловеческое не подчинено человеку и не нуждается в нем, что делает «Солярис» одним из ключевых примеров постчеловеческой мифологемы в классической научной фантастике.

Таким образом, экологические мифологемы образуют в научной фантастике целостную систему смысловых координат, в рамках которой экологический кризис осмысливается как предел антропоцентрического мышления и одновременно как основание для переосмысления статуса человека в мире. Соединяя научный прогноз с мифологической логикой интерпретации, научная фантастика превращается в пространство актуального мифотворчества, придающего экологическим угрозам культурную и ценностную определенность.

Образ человека в экологическом мифе научной фантастики: от антропоцентризма к постчеловеческой перспективе

Экологический миф в научной фантастике формирует особую модель осмысления статуса человека в мире, отражающую эволюцию культурных представлений о его роли в природной и социальной реальности. В рамках данной эволюции прослеживается движение от антропоцентрической установки, в которой человек сохраняет ценностный и смысловой приоритет, к моделям, предполагающим утрату им господствующего положения и признание автономии нечеловеческих процессов. Эта трансформация не носит линейного характера: в классической научной фантастике антропоцентризм длительное время сохраняется даже в условиях радикальных техногенных и экологических нарушений.

Антропоцентрическая модель наиболее отчетливо представлена в научной фантастике первой половины XX века, в том числе в произведениях А. Беляева. Анализируя его творчество, можно прийти к выводу – даже при изображении крайних форм вмешательства в природные и биологические процессы человек остается центральным носителем смысла и ответственности, а мир – пространством реализации человеческих проектов. Экологические и техногенные катастрофы в этих текстах не подрывают антропоцентрическую логику, а, напротив, подчеркивают масштаб человеческой воли и ее последствий (Ху Яньсинь, 2025).

Показательным примером является роман «Продавец воздуха», в котором природная среда радикально редуцируется до объекта экономического и технологического контроля. Воздух – базовое условие жизни – превращается в товар, а экологический кризис создается искусственно как инструмент власти и выгоды. Важно, что катастрофа здесь не осмысливается как автономный процесс или ответ среды на человеческое вмешательство: она полностью сконструирована человеком и подчинена его рациональному расчету. Даже угроза гибели биосферы не приводит к децентрации человека – напротив, подтверждается его способность распоряжаться фундаментальными условиями существования. Тем самым экологический конфликт в романе функционирует в рамках жестко выраженного антропоцентризма, где природа лишена субъектности и выступает материалом человеческой деятельности.

Подрыв антропоцентрической модели в научной фантастике становится возможен в тех случаях, когда экологический кризис утрачивает характер управляемого следствия человеческой воли и начинает разворачиваться как автономный процесс, не поддающийся рациональному контролю.

В «Гиперионе» Д. Симмонса антропоцентризм подрывается через связку экологического и техногенного кризиса: попытки радикального вмешательства демонстрируют пределы контроля и приводят к распаду привычного порядка. Расширение человечества в космосе не

возвращает господство – зависимость от сложных систем и ИИ, а также уязвимость колонизируемых миров делают человека элементом процессов, которые он не способен полностью объяснить и направить. Тем самым кризис выступает симптомом распада идеи человеческой исключительности.

Дальнейшее развитие экологического мифа связано с утратой самой идеи человеческого господства и переходом к моделям мира, в которых человек перестает быть центральным субъектом истории. В романе «Люди как боги» Г. Уэллса изображен социум, уже преодолевший логику эксплуатации и конфликта с природой. Экологическое равновесие здесь поддерживается не через контроль и принуждение, а через отказ от антропоцентрической модели мира. Контакт с землянами выявляет, что именно человек индустриальной цивилизации выступает носителем разрушительных практик – болезней, насилия, идеологического давления. Таким образом, утрата господства человека над миром в романе мыслится не как катастрофа, а как необходимое условие устойчивого существования.

Аналогичную логику демонстрирует цикл «Город» К. Саймака, где исчезновение человеческой цивилизации не приводит к гибели мира. Напротив, планета продолжает существовать в иных формах разумности и экологического равновесия. Человек здесь утрачивает статус онтологического центра, а экологический миф фиксирует возможность мира, не ориентированного исключительно на человеческие потребности и ценности. Уход человека оказывается не концом истории, а сменой ее субъекта.

Так образ человека в экологическом мифе научной фантастики претерпевает принципиальную трансформацию. От фигуры активного хозяина и конструктора кризиса, характерной для антропоцентрической модели, жанр постепенно переходит к образу уязвимого участника и, в конечном итоге, к признанию возможности мира без человека. Экологический кризис в этих текстах выступает не только тематическим мотивом, но и механизмом переосмысления самой идеи человеческой исключительности, открывая пространство для постчеловеческих форм воображаемого будущего.

Функции экологических мифологем в научной фантастике

Одной из ключевых функций экологических мифологем является интерпретативная функция, связанная с превращением сложных и трудно локализуемых экологических процессов в наглядные смысловые структуры. Глобальные изменения климата, деградация биосферы и утрата устойчивости среды обитания в научной фантастике репрезентируются через образы апокалипсиса, умирающей планеты или враждебной среды. Мифологема в данном случае выступает инструментом когнитивного упрощения, позволяя культуре осмыслить экологический кризис как целостное событие, а не как совокупность разрозненных факторов, поскольку миф способен «вскрыть латентные механизмы регуляции человеческого сознания и поведения» в кризисных ситуациях (Василькова, 2023). Роман Дж. Балларда «Затонувший мир» наглядно демонстрирует, как сложные климатические изменения репрезентируются через образ планеты, возвращающейся к доисторическому состоянию, что позволяет осмыслить экологический кризис как целостную трансформацию мира.

Вторая важная функция – ценностно-нормативная, заключающаяся в формировании этических оценок человеческой деятельности. Экологические мифологемы закрепляют представления о допустимых и недопустимых формах взаимодействия человека с природой, моделируя последствия тех или иных стратегий поведения. Через мотивы воздаяния, утраты равновесия или необратимости экологического ущерба научная фантастика артикулирует критику антропоцентрического мышления и ставит под сомнение идею безграничного господства человека над средой. Тем самым мифологемы выполняют функцию культурного предупреждения, соотносимую с традиционными мифами о нарушении космического порядка. В «Марсианских хрониках» Р. Брэдбери колонизация Марса осмысливается не как достижение прогресса, а как этически сомнительная форма экспансии, ведущая

к уничтожению иной экосистемы и культуры, что формирует негативную оценку антропоцентрической модели освоения природы.

Экологические мифологемы позволяют представить не только катастрофические исходы, но и альтернативные формы сосуществования человека и природы, включая отказ от антропоцентрической парадигмы. В этом смысле научная фантастика соединяет элементы мифа и прогноза, формируя пространство культурного воображения будущего. Как подчеркивает М.В. Заваркина, в художественном мире фантастического произведения природа нередко остается «"сокровенной" и непознаваемой», а человек, несмотря на научные открытия, по-прежнему смертен и одинок (Заваркина, 2022), что указывает на принципиальные границы антропоцентрического проекта и возвращает к мифологическому восприятию природы как тайны.

Особую роль играет онтологическая функция, связанная с переосмыслением статуса человека в мире. Экологические мифологемы фиксируют переход от модели человека как центрального субъекта истории к представлению о нем как об одном из элементов сложной, нечеловеческой системы. Через образы автономной природы, планетарных процессов и миров, существующих независимо от человеческого присутствия, научная фантастика разрушает антропоцентрическую картину мира и открывает пространство для постчеловеческих интерпретаций реальности. В этом контексте мифологема выполняет функцию децентрации человеческого опыта, становясь проводником «постгуманистического поворота», в рамках которого «человеческая природа переплетается с миром природы», а отношения с нечеловеческими существами требуют пересмотра (Верещагина, Компацарис, 2023).

Примером может служить роман И. Ефремова «Туманность андромеды», в котором человечество – часть галактического сообщества разумных форм жизни, встроенных в общий эволюционный процесс; экология, космология и этика образуют единую онтологическую рамку.

Наконец, экологические мифологемы выполняют интегративную функцию, объединяя научные, философские и экзистенциальные представления в рамках единого художественного целого. Научная фантастика становится пространством, в котором рациональные знания о природе сосуществуют с мифологическими моделями смысла, позволяя культуре коллективно перерабатывать экологическую тревогу и неопределенность. Тем самым экологический миф в научной фантастике выступает не архаическим пережитком, а актуальным механизмом культурной рефлексии современного кризиса.

Заключение

Исследование показало, что экологическая проблематика в научной фантастике второй половины XX – начала XXI века функционирует как механизм культурного осмысления кризиса: научные представления о природе здесь переплетаются с мифологическими структурами, формируя устойчивые модели восприятия будущего. К ключевым относятся мифологемы экологического апокалипсиса, утраченного равновесия, автономной/мстящей природы и постчеловеческого мира.

В рамках экологического мифа фиксируется переход от антропоцентрической модели к постчеловеческой перспективе: кризис выступает внутренним пределом идеи человеческого господства и выявляет несоразмерность амбиций человека логике планетарных процессов. Экологические мифологемы при этом одновременно интерпретируют угрозы, задают этическую оценку практик, моделируют сценарии будущего и интегрируют разнородные смыслы в целостный нарратив.

Таким образом, экологические мифологемы следует рассматривать как устойчивые художественные конструкции, отражающие трансформации экологического сознания современной культуры и изменения в понимании природы, человека и их соотношения.

Литература

Беляев, Д. А. (2016), «Постчеловек в научной фантастике: опыт прогнозирования трансформации человека», *Концепции постчеловека в философии и технонауке: мат-лы V Междунар. науч. школы для молодежи (Белгород, 19–23 мая 2016 г.)*, Климова, С. М., Майданский, А. Д. (ред.), ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород, 230–235.

Василькова, В. В. (2023), «Миф в современном обществе: когнитивная концепция регрессии как перспектива интегративного подхода», *Философия и культура*, 12, 16–22. DOI: 10.24158/fik.2023.12.1

Верещагина, Н. В. и Компациарис, П. (2023), «Катастрофизм и восстание природы: экологическая монструозность в нарративах популярной медиакультуры», *Наука телевидения*, 19(3), 97–120. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-97-120; EDN: QIOUUE

Заваркина, М. В. (2022), «Фантастика, миф и эсхатология в повести А. Платонова «Эфирный тракт»», *Проблемы исторической поэтики*, 20(4), 224–251. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582

Кулигина, Е. А. (2023), «Ремифологизация в XX и XXI вв. и ее роль в осмыслении природы современного мифа (на материале новостных текстов англоязычных СМИ)», *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 16(12), 4338–4345. DOI: 10.30853/phil20230658

Кулигина, Е. А. (2022), «Мифологема как лингвокогнитивный феномен», *LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. статей междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург, 14–15 апреля 2022 г.)*, Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 151–154.

Наумов, И. (2024), «На пути к общему миру: композиционизм Бруно Латура как средство преодоления климатического кризиса», *Социологическое обозрение*, 23(2), 311–339. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-311-339

Скрынникова, И. В., Астафурова, Т. Н. (2024), «Метафора экологической безопасности в онлайн-коммуникации», *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 2, 220–229. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-220-229

Суворова, А. А. (2024), «Эсхатологические и апокалиптические мотивы в современном российском искусстве», *Артикульт*, 3(55), 24–33. DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-24-33

Хен, Ю. В. (2025), «Сумерки экологического сознания», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 189–199. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Ху Яньсинь (2025), «Идея антропоцентризма в научной фантастике А.Р. Беляева», *Мир науки, культуры, образования*, 4 (113), 442–445. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-442-445

Beck, U. (2009), *World at Risk*, Cambridge, Polity Press, Malden, MA.

Bedggood, D. (2022), “Ecocrises and Posthuman-Animal Futures in Bacigalupi’s ‘The Windup Girl’ and Schoen’s ‘Barsk’”, in: Borkfelt, S. and Stephan, M. (eds.) *Literary Animal Studies and the Climate Crisis*, Palgrave Macmillan, Cham, 267–289. DOI: 10.1007/978-3-031-11020-7_13

Garrard, G. (2012), *Ecocriticism*, Routledge, London, New York.

Haraway, D. J. (2016), *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*, Durham, NC, Duke University Press, London.

Jameson, F. (2005), *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*, Verso, London, New York.

Makhmudova, N. A. (2024), “Representation of Natural Disasters in Literature: from Mythological Tales to Modern Narratives”, *Нижегородский филологический вестник*, 9(2), 125–131. DOI: 10.36906/2500-1795/24-2/11.

References

Beck, U. (2009), *World at Risk*, Cambridge, Polity Press, Malden, MA.

Bedggood, D. (2022), “Ecocrises and Posthuman-Animal Futures in Bacigalupi’s ‘The Windup Girl’ and Schoen’s ‘Barsk’”, in: Borkfelt, S. and Stephan, M. (eds.) *Literary Animal Studies and the Climate Crisis*, Palgrave Macmillan, Cham, 267–289. DOI: 10.1007/978-3-031-11020-7_13

Belyaev, D. A. (2016), “The posthuman in science fiction: the experience of predicting human transformation”, in: Klimova, S. M. and Maidanskiy, A. D. (eds.), *Concepts of the Posthuman in Philosophy and Technoscience: Proceedings of the V International Scientific School for Youth (Belgorod, May 19–23, 2016)*, Belgorod State University Publishing House, Belgorod, 230–235 (in Russian).

Garrard, G. (2012), *Ecocriticism*, Routledge, London, New York.

Haraway, D. J. (2016), *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*, Durham, NC, Duke University Press, London.

Hu Yanxin (2025), “The idea of anthropocentrism in A. Belyaev's science fiction”, *The World of Science, Culture and Education*, 4, 442–445 (in Russian). DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-442-445

Khen, Yu. V. (2025), “The Twilight of Environmental Consciousness”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 189–199 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Jameson, F. (2005), *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*, Verso, London, New York.

Kuligina, E. A. (2023), “Remythologization in the 20th and the 21st centuries and its role in understanding the nature of modern myth (based on news texts in the English-language media)”, *Philology. Theory & Practice*, 16(12), 4338–4345 (in Russian). DOI: 10.30853/phil20230658

Kuligina, E. A. (2022), “Mythologeme as a linguo-cognitive phenomenon”, in: *LXXV Herzen Readings. Foreign Languages: Proceedings of the International Scientific Conference (St. Petersburg, April 14–15, 2022)*, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 151–154 (in Russian).

Makhmudova, N. A. (2024), “Representation of natural disasters in literature: from mythological tales to modern narratives”, *Nizhneartovsk Philological Bulletin*, 9(2), 125–131. DOI: 10.36906/2500-1795/24-2/11

Naumov, I. (2024), “On the Way to a Common World: Bruno Latour's Compositionism as a Means of Addressing the Climate Crisis”, *Russian Sociological Review*, 23(2), 311–339 (in Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-311-339

Skrynnikova, I. V. and Astafurova, T. N. (2024), “Environmental security metaphor in online communication”, *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 220–229 (in Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-220-229

Suvorova, A. A. (2024), “Eschatological and apocalyptic motives in Russian contemporary art”, *Artikult*, 3, 24–33 (in Russian). DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-24-33

Vasilkova, V. V. (2023), “Myth in Modern Society: The Cognitive Concept of Regression as an Integrative Approach Perspective”, *Society: Philosophy, History, Culture*, 12, 16–22 (in Russian). DOI: 10.24158/fik.2023.12.1

Vereshchagina, N. V., and Kompatsiariis, P. (2023), “Catastrophism and Nature's Revolt: Ecological Monstrosity in Popular Media Narratives”, *Nauka Televideniya—The Art and Science of Television*, 19 (3), 97-120. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-97-120; EDN: QIOUUE

Zavarkina, M. V. (2022), “Fantastika, Myth and Eschatology in A. Platonov's Short Novel (Povest') 'The Ethereal Tract'”, *Problems of Historical Poetics*, 20(4), 224–251 (in Russian). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11582.

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Билибин Антон Михайлович, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; bilibinskyanton@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Anton M. Bilibin, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; bilibinskyanton@gmail.com